

КУЛЬТУРА

*В.Ф. ПЕТРЕНКО,
А.П. СУПРУН*

“Шинель” Гоголя: христианская притча и буддийский коан*

Дав неожиданное и парадоксальное название нашей статье, мы спешим объяснить читателю мотив такого действия. Итак, при чем буддизм в разговоре о православном писателе Н. Гоголе и жанр притчи в социальном рассказе?

На наш взгляд, творчество Гоголя можно рассматривать в ряду таких великих писателей – романтиков, сказочников и мистиков – как Э.-Т.-А. Гофман, М. Сервантес, Л. Кэрролл, О. Хаксли, Г. Гессе, Р. Бах, М. Булгаков, Е. Шварц, Д. Оруэлл, А. и Б. Стругацкие. Их творчество как бы двухслойно, то есть за поверхностью сюжетного рассказа, повествовательного нарратива лежит проблемное поле смысла человеческой жизни и смысла самого бытия. Рисуя конкретные, присущие определенной культурно-исторической эпохе образы персонажей, эти писатели-визионеры благодаря мистической интуиции видят смысл той или иной фигуры не только и не столько в плоскости социальной жизни, сколько в мистерии Духа, или, как выразился Н. Гумилев, “в театре Бога”. Мистик прорывается через тяготение земных оков в Космос трансцендентального и на языке притчи (смысл которой не всегда понятен и ему самому) пытается определить место человечества в творческой эволюции Духа. Трактовка вечных проблем и архетипических образов единого Человечества возможна с позиций разных национальных культур и разных религий. Более того, как алмаз играет разными гранями в зависимости от угла падения на него света, так и Вечный текст с архетипическими образами обнаруживает новые смысловые грани в свете иной культуры. Что же откроется в творчестве Гоголя при взгляде на него с позиции буддийской ментальности?

“Шинель”, несомненно, одно из наиболее цитируемых произведений великого писателя. Очень короткое и незатейливое, оно, как магнит, притягивает к себе внимание исследователей снова и снова. Однако хрестоматийное рассуждение о том, что в основе его замысла лежит конфликт между “маленьким человеком” и обществом, конфликт, якобы чреватый бунтом, восстанием, как-то плохо согласуется с намеренно насмешливым, ироническим отношением автора и к “бунтовщику”, и к “власть имущим”. Фраза из школьного сочинения – “Срывая шинель с сановного лица, Башмачкин становится

* Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант № 09-06-00562а).

Петренко Виктор Федорович – доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент РАН.

Супрун Анатолий Петрович – кандидат психологических наук, старший научный сотрудник Института системного анализа РАН.

в своих глазах и в глазах миллионов таких же, как он, униженных и оскорбленных людей героем, способным постоять за себя и ответить на бесчеловечность и несправедливость окружающего мира”¹ – по уровню гротеска едва ли не превосходит язык самого Гоголя. Не дотягивает *это* до того уровня литературы, который подразумевает знаменитое высказывание русского писателя: «Все мы вышли из “Шинели” Гоголя»².

Безусловно, “Шинель” – притча, имеющая более глубокий смысл, нежели тот, что лежит на поверхности. Иронический подтекст совсем не маскирует здесь “социальный протест”, а прямо указывает на неадекватность такой интерпретации. Эта притча явно из разряда библейских и корреспондирует к Евангелию, а не к социальным идеалам “неистового Виссариона” (В. Белинского). Таким способом донесения философского и религиозного смысла Бытия пользовались и Христос, и Будда. Это особая форма передачи мысли, которая не столько излагает ее, сколько “генерирует” некое содержание в сознании, заставляя слушателей самих задуматься над проблемой и искать решение. Найденное же зачастую невозможно адекватно выразить в слове, поскольку оно выходит за пределы нашего Бытия.

Имеем ли мы право на такую “дешифровку” произведений Гоголя? Ответ можно найти в мистическом характере самого художника и, особенно, в его языке. Это – язык заклинаний. Гоголь верил, что с помощью слов можно пронять и переродить любого человека; считал, что его слово облечено особой силой, данной ему свыше. В слове – спасение от пороков и грехов. Гоголь сочиняет и рассылает молитвы, придавая им особое, сверхъестественное значение; настойчиво упрасивает перечитывать его статьи, письма, художественные произведения: в них есть нечто сокровенное, с первого восприятия не усваиваемое. И дело даже не в том, что он тщательно шифровал в произведениях свои душевные тайны. Зачастую он просто не мог адекватно выразить владевшую им “запредельную” мысль: «Жуковскому Гоголь сообщает, что он продолжает набрасывать на бумагу “хаос” и что ему открываются тайны, которые дотоле не слышала его душа» [Воронский]. По его словам, он много раз возвращается к одной и той же рукописи, правит, переписывает, откладывает и снова возвращается к ней. И так до тех пор, пока этот “хаос” не “отрезонирует” в душе и не материализуется в словах. Это не работа мысли – это скорее чутье гармонии, интуиция мистика, вдохновение художника. Под влиянием мистических состояний Гоголь, по словам П. Анненкова, в 1843 г. уничтожает рукописи второго тома “Мертвых душ” или совершенно их переделывает, что равносильно их уничтожению. То, что не достигло гармонии с его переживаниями, – не может быть истинным. Его вдохновение питается молитвой: “Молитва есть восторг, – убеждает Гоголь Н. Языкова. – Если она дошла до степени восторга, то она уже просит о том, **чего бог хочет, а не о том, чего мы хотим...** Приход бога в душу узнается по тому, когда душа почувствует иногда вдруг умиление и сладкие слезы, беспричинные слезы, происшедшие не от грусти, или беспокойства, но которые **не могут изъяснить слова**” (выделено нами. – В.П., А.С.) [Гоголь, 1952, с. 233, 235].

Вернемся, однако, к “Шинели”. Уже само начало повести говорит нам, что это – притча (“побасенка”): “Итак, в одном департаменте служил один чиновник”. Почти “в одном царстве, в одном государстве...” И далее идет описание, которое всеми трактуется как характеристика “вечного титулярного советника”, “маленького человека” внутри громадной “бездущной государственной машины”. Однако при сопоставлении с христианскими ценностями это впечатление оказывается обманчивым. Вот более адекватное описание нашего героя: «Злые шутки, насмешки и издевки со стороны сослуживцев не выбивали его из привычной колеи жизни. Он переносил их покорно и терпеливо. Могло бы даже показаться, что он относился к ним, как к своему дыханию. Словно судьба,

¹ Текст, из которого взята эта фраза, содержится сразу в нескольких базах школьных сочинений, предлагаемых в Интернете для желающих без труда продемонстрировать свое знакомство с программой по литературе.

² Чаще всего это высказывание приписывают Ф. Достоевскому, хотя ни в одном собрании сочинений писателя оно не присутствует (подробнее об этом см., например, [Левонтина]). В нашем случае важно то, что смысл этой фразы никогда и никем не оспаривался.

определив его в род Башмачкиных и дав ему происходящие от древнегреческого слова “*vakako*” (незлобивый, невинный) имя и отчество Акакий Акакиевич, как будто наказала ему в жизни всегда быть “под башмаком”, терпеть унижения и обиды. Для этого она сделала его бедным до “последней грани обмеления” (по известному выражению Ап. Григорьева), послушным, безответным и, по сути, совсем беззащитным и в быту, и на службе перед лицом, большей частью, черствых, циничных, честолюбивых, а зачашую, и подлых окружающих» [Бельтраме, 2006, с. 75]. Имя гоголевского персонажа, пожалуй, должно было служить напоминанием о том, что даже самый “последний” человек – страждущий и нуждающийся – создан Богом, а поэтому и жизнь его, и личность следует ценить: “Иисус же, подозвав их, сказал им: вы знаете, что почитающиеся князьями народов господствуют над ними, и вельможи их властвуют ими. Но между вами да не будет так: а кто хочет быть большим между вами, да будем вам слугою; и кто хочет быть первым между вами, да будет всем рабом” (Мф. 20, 25–26).

По сути, Акакий Акакиевич – невинен, как дитя. Но именно так изображали юродивых и блаженных, и только таким открыто Царствие Божие: “Иисус, призвав дитя, поставил его посреди них и сказал: истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное” (Мф. 18, 2–3). Жизнь героя была лишена “вещественности”. В его жизни не было ничего корыстного или эгоистичного. Даже его труд не воспринимался таковым, а был скорее игрой и творчеством: “Мало сказать: он служил ревностно, – нет, он служил с любовью. Там, в этом переписыванье, ему виделся какой-то свой разнообразный и приятный мир. Наслаждение выражалось на лице его; некоторые буквы у него были фавориты, до которых если он добирался, то был сам не свой: и подсмеивался, и подмигивал, и помогал губами, так что в лице его, казалось, можно было прочесть всякую букву, которую выводило перо его” [Гоголь, 1938, с. 144]. В отличие от монахов-писцов, у Акакия Акакиевича, как пишет М. Эпштейн, “любовь к букве не придерживается ничем, никаким величием смысла” [Эпштейн, 1988, с. 70].

Вспомним еще одно изречение Иисуса: “Истинно говорю вам, что трудно богатому войти в Царство Небесное; И еще говорю вам: удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божие” (Мф. 19, 23–24). Теперь сопоставим это с описанием героя: “Вне этого переписыванья, казалось, для него ничего не существовало. Он не думал вовсе о своем платье: вицмундир у него был не зеленый, а какого-то рыжевато-мучного цвета. Воротничок на нем был узенький, низенький, так что шея его, несмотря на то, что не была длинна, выходя из воротника, казалась необыкновенно длиною, как у тех гипсовых котенков, болтающих головами, которых носят на головах целыми десятками русские иностранцы. И всегда что-нибудь да прилипало к его вицмундиру: или сенца кусочек, или какая-нибудь ниточка; к тому же он имел особенное искусство, ходя по улице, попевать под окно именно в то самое время, когда из него выбрасывали всякую дрянь, и оттого вечно уносил на своей шляпе арбузные и дынные корки и тому подобный вздор... Приходя домой, он садился тот же час за стол, хлебал наскоро свои щи и ел кусок говядины с луком, вовсе не замечая их вкуса, ел все это с мухами и со всем тем, что ни посылал бог на ту пору. Заметивши, что желудок начинал пучиться, вставал из-за стола, вынимал баночку с чернилами и переписывал бумаги, принесенные на дом. Если же таких не случалось, он снимал нарочно, для собственного удовольствия, копию для себя, особенно если бумага была замечательна не по красоте слога, но по адресу к какому-нибудь новому или важному лицу... Написавшись всласть, он ложился спать, улыбаясь заранее при мысли о завтрашнем дне: что-то бог пошлет переписывать завтра? Так протекала мирная жизнь человека, который с четырьмястами жалованья умел быть довольным своим жребием, и дотекла бы, может быть, до глубокой старости, если бы не было разных бедствий, рассыпанных на жизненной дороге не только титулярным, но даже тайным, действительным, надворным и всяким советникам, даже и тем, которые не дают никому советов, ни от кого не берут их сами” [Гоголь, 1938, с. 145–147]. Внутреннее состояние героя – “не от мира сего” и воистину – “потерянный рай”!

В чем же смысл изречения Иисуса? Если вспомнить, что Царствие Божие – “не от мира сего” (Ин. 18, 36), «не скажут: “вот, оно здесь”, или “вот, там”» (Лк. 17, 21), то в мир бытийный, “вещный” Оно не входит, оно для Бытия – Ничто. И это много меньше, чем “игольное ушко” или “горчичное зерно”. Что же составляет “богатство” человеческое, препятствующее вхождению в рай? Очевидно, не сами вещи – они ничьи. Небо, как и земля, не могут принадлежать кому-то. Но Это человеческое не имеет границ. Оно стремится обладать всем, что видит: “Вот граница! – сказал Ноздрев. – Все, что ни видишь по эту сторону, все это мое, и даже по ту сторону, весь этот лес, который вон синее, и все, что за лесом, все мое...” [Гоголь, 1951, с. 74]. В Древнем Риме, если ребенка ловили на воровстве, то вначале подвергали испытанию, предлагая на выбор игрушку или золотую монету. Если выбиралась монета, то ему отрубали руку. Главное в этом испытании – понять мотив поведения: есть ли в нем корысть, осознает ли он ценность вещи или это всего лишь детская тяга к игре.

Корысть рождается из желания, осознанной потребности в чем-то. Вещь завладевает сознанием человека, становится его целью, порождает его. “Блаженны нищие духом, ибо ваше есть Царствие Божие,” – говорил Христос (Лк. 6, 20). “Нищие духом” можно трактовать двояко. По одной версии, это блаженные, юродивые, не связанные путами социальных норм и потому более чувствительные к зову души и совести, по другой – это люди, сознательно (духом) отказавшиеся от материальных благ и, как Франциск Ассизский, раздавшие их нуждающимся. Ибо не сами вещи, но внутренняя “душевная” алчность к вещам, ненасытное эго делает нас не способными к “прохождению” через игольное ушко.

Как же является к нам это “богатство”? Обратимся снова к Гоголю: “Есть в Петербурге сильный враг всех, получающих четыреста рублей в год жалованья или около того. Враг этот не кто другой, как наш северный мороз, хотя, впрочем, и говорят, что он очень здоров”. Гоголь даже нашел способ написать слово “Враг” с большой буквы, поставив его в начале предложения. Потребность в чем-то – это то, с чего начинается наше искушение. Будучи человеком “не от мира сего”, Башмачкин даже не сразу осознает причину своего неудобства: “Акакий Акакиевич с некоторого времени начал чувствовать, что его как-то особенно сильно стало пропекать в спину и плечо, несмотря на то, что он старался перебежать как можно скорее законное пространство. Он подумал, наконец, не заключается ли каких грехов в его шинели. Рассмотрев ее хорошенько у себя дома, он открыл, что в двух-трех местах, именно на спине и на плечах, она сделалась точная серпанка; сукно до того истерлось, что сквозило, и подкладка распозлзлась” [Гоголь, 1938, с. 147]. Осознание толкает его на мысль об “исправлении” шинели и, наконец, к необходимости приобретения новой. Это совершенно ошеломляет героя и рушит весь его мир.

Его жизнь “овеществляется”, в ней появляются ценности и цели. Цель совершенно захватывает его и подчиняет. Он начинает мечтать уже не только о шинели, как о защите от холода: «С этих пор как будто самое существование его сделалось как-то полнее, как будто бы он женился, как будто какой-то другой человек присутствовал с ним, как будто он был не один, а какая-то приятная подруга жизни согласилась с ним проходить вместе жизненную дорогу, – и подруга эта была не кто другая, как та же шинель на толстой вате, на крепкой подкладке без износу. Он сделался как-то живее, даже тверже характером, как человек, который уже определил и поставил себе цель. С лица и с поступков его исчезло само собою сомнение, нерешительность – словом, все колеблющиеся и неопределенные черты. Огонь порою показывался в глазах его, в голове даже мелькали самые дерзкие и отважные мысли: не положить ли, точно, кунницу на воротник? Размышления об этом чуть не навели на него рассеянности. Один раз, переписывая бумагу, он чуть было даже не сделал ошибки, так что почти вслух вскрикнул “ух!” и перекрестился. В продолжении каждого месяца он хотя один раз наведывался к Петровичу, чтобы поговорить о шинели, где лучше купить сукна, и какого цвета, и в какую цену, и хотя несколько озабоченный, но всегда довольный возвращался домой, помышляя, что наконец придет же время, когда все это купится и

когда шинель будет сделана» [Гоголь, 1938, с. 154–155]. Акакий Акакиевич становится другим человеком: «Он уже несколько лет не выходил по вечерам на улицу. Остановился с любопытством перед освещенным окошком магазина посмотреть на картину, где изображена была какая-то красивая женщина, которая скидала с себя башмак, обнаживши, таким образом, всю ногу, очень недурную; а за спиной ее, из дверей другой комнаты, выставил голову какой-то мужчина с бакенбардами и красивой эспаньолкой под губой. Акакий Акакиевич покачнул головой и усмехнулся и потом пошел своею дорогою. Почему он усмехнулся, потому ли, что встретил вещь вовсе не знакомую, но о которой, однако же, все-таки у каждого сохраняется какое-то чутье, или подумал он, подобно многим другим чиновникам, следующее: “Ну, уж эти французы! что и говорить, уж ежели захотят что-нибудь того, так уж точно того...” ...Акакий Акакиевич шел в веселом расположении духа, даже подбежал было вдруг, неизвестно почему, за какою-то дамою, которая, как молния, прошла мимо и у которой всякая часть тела была исполнена необыкновенного движения. Но, однако ж, он тут же остановился и пошел опять по-прежнему очень тихо, подивясь даже сам неизвестно откуда взявшейся рыси» [Гоголь, 1938, с. 158–159, 160–161].

Но такое “условное” присвоение вещи порождает и страх, боязнь потери источника “своего” счастья: «Он вступил на площадь не без какой-то невольной боязни, точно как будто сердце его предчувствовало что-то недоброе. Он оглянулся назад и по сторонам: точно море вокруг него. “Нет, лучше и не глядеть”, – подумал и шел, закрыв глаза, и когда открыл их, чтобы узнать, близко ли конец площади, увидел вдруг, что перед ним стоят почти перед носом какие-то люди с усами, какие именно, уж этого он не мог даже различить. У него затуманило в глазах и забило в груди» [Гоголь, 1938, с. 161]. Тот покой, то блаженное существование, лишенное страха перед миром, которым он жил, не сознавая этого, был утерян. Появилась зависимость от других: чиновников, от законов и государства, охраняющего частную собственность.

С утратой шинели, ставшей целью его существования, подчинившей его жизнь, исчез и смысл этой жизни. Поскольку цель всегда указывает на вещь, то достижение цели после непродолжительной эйфории всегда приносит разочарование. Утолить жажду из этого “вечно соленого источника” невозможно. Утрата шинели для Акакия Акакиевича неизбежно оказалась эквивалентной утрате самой жизни.

Но и этого мало. Гоголь не был бы великим мастером гиперболы, если бы остановился здесь. Не только жизнь, но и сама смерть отображена была у героя падением его с “небес” в мир вещей. “По Петербургу пронеслись вдруг слухи, что у Калинкина моста и далеко подальше стал показываться по ночам мертвец в виде чиновника, ищущего какой-то утащенной шинели и под видом сташенной шинели сдирающий со всех плеч, не разбирая чина и звания, всякие шинели: на кошках, на бобрах, на вате, енотовые, лисьи, медвежьи шубы – словом, всякого рода меха и кожи, какие только придумали люди для прикрытия собственного. Один из департаментских чиновников видел своими глазами мертвеца и узнал в нем тотчас Акакия Акакиевича; но это внушило ему, однако же, такой страх, что он бросился бежать со всех ног и оттого не мог хорошенько рассмотреть, а видел только, как тот издали погрозил ему пальцем” [Гоголь, 1938, с. 169–170]. Словом, превратился наш герой в подобие вечно голодного демона Ада. Не бунт это и не “возмездие”, а неумирающая страсть эго – забрать себе, присвоить. И ведь дело не оканчивается одной шинелью и даже шинелью его обидчика. Страшная история падения души в ад – вот что такое гоголевская “Шинель”.

Интересна еще одна деталь в характеристике героя – его профессия. Гоголь пишет о ней с уважением, а на Востоке каллиграфия вообще ставилась на один уровень с живописью, поэзией и философией. Работа каллиграфа требовала полного самоотречения и была высоким искусством. Гоголевская притча адресует читателя не только к Евангелию, но и к другим сокровищницам человеческой мысли. Вот несколько параллелей из восточной философии, практически не требующих комментария:

Лао-Цзы: “Для сохранения спокойствия души [человек] должен соблюдать единство. Тогда [в нем] не будут пробуждаться желания. Если сделать дух мягким, человек

станет подобен новорожденному. Если его созерцание становится чистым, тогда не будет заблуждений” [Лао-Цзы];

Чжуан-Цзы: “Кого же называют настоящим человеком? Настоящий человек древности не шел против малого, не хвалился подвигами, не [входил в число] мужей, [представляющих] замыслы. Поэтому ошибаясь, не раскаивался, а поступив правильно, не [впадал] в самодовольство. Своим познанием [он, даже] умирая, мог восходить к пути. Настоящий человек древности спал без сновидений, просыпаясь, не печалился, вкушая пищу, не наслаждался, – чем сильнее страсти в человеке, тем меньше в нем [проявляется] естественное начало. Настоящий человек древности не ведал любви к жизни, не ведал страха перед смертью. Входя [в жизнь], не радовался, уходя [из жизни], не противился, равнодушно приходил и равнодушно возвращался – и только. Не забывал о том, что было для него началом; не стремился к тому, что служило ему концом. Получив [что-либо], радовался, возвращая, об этом забывал. Это и называется не помогать разумом пути, не помогать природе искусственным. Такого и называют настоящим человеком” [Чжуан-Цзы].

Заметим, что конфуцианский идеал настоящего человека как будто списан с образа Акакия Акакиевича до его пробудившейся любовной страсти к шинели. Настоящий человек в конфуцианской морали не ведает страстей и не обладает желаниями. Его жизнь – следование естественному ходу событий и его недеяние не замутнит природную чистоту этого потока. Формула У. Джеймса, в которой уровень самооценки обратно пропорционален нашим потребностям, дана в логике конфуцианского мышления. Сведи свои потребности к минимуму и обретишь полную гармонию внутри себя – следует из этой формулы.

В буддизме причиной страдания является “неведение”, связанное с ограниченностью человека. Ограниченность же обусловлена, прежде всего, привязанностью к витальным потребностям и объектным, рассудочным восприятием мира (см. об этом, например, [Абаев, 1989]). В таком восприятии мир предстает разорванным на отдельные объекты (вещи, предназначенные для удовлетворения тех или иных потребностей Эго) и является принципиально ограниченным (Сансарой). В Махаяне, северной ветви буддизма, был сформулирован принцип: Сансара и Нирвана одно и то же, но необходимо пробуждение, чтобы осознать это.

Разорвать ограниченность Эго и осознать мир как целое, слиться с этим единством – и есть достижение Нирваны. Эта крайне сложная задача предполагает ясное осознание и преодоление всех своих ограничений – как телесных (инстинкты), так и психических (установки, дискурсивное мышление и т.д.). Любое поведение, детерминированное инстинктом, мотивом, конкретной целью, установкой, является ограниченным по своей природе (или Деянием). Его истоки и причины лежат в прошлом, которое детерминирует, связывает и ограничивает существование личности, создает жесткую жизненную “колею”. Единственное допустимое исключение – креативность, творчество, инсайт, результат которого – новое содержание, не связанное с прошлым. Творчество всегда максимально свободно и реализуется без участия Эго.

Такое поведение на Востоке называли Недеянием, поскольку оно не детерминировано личностными ограничениями, а имеет внешнюю природу, связанную с целостностью мира (Нирваной). В этих примерах происходит краткое спонтанное “погружение” в эту целостность, но не слияние с ней. В дзен-буддизме была разработана оригинальная психотехника коанов, помогающая его адептам осознать причины своих ограничений и “разотождествиться” с Эго. Коан (*яп.*) – это небольшой текст, описывающий ситуацию, связанную с тем или иным ментальным тупиком, в который попал адепт на пути такого разотождествления³. Поскольку единственный способ достижения Нирваны – тотальный инсайт (сатори), снимающий все ограничения, то коан формулируется скорее как подсказка. Это не формально-логическое объяснение (в этой

³Примеры классических и современных произведений в жанре коана см. в [Блайс, 2001; 1997; Ошо, 1995].

форме от адепта требовалось бы только понимание, а не инсайт), а некий “толчок”, выбивающий его из неадекватной установки, ментальной колеи, не позволяющей увидеть корень проблемы.

По существу, гоголевская притча очень близка как по форме, так и по содержанию к буддийскому коану. В ней так же содержится некий логический парадокс, позволяющий по-иному взглянуть на себя и социум, увидеть то, как наше Эго, социальные установки и привязанности делают нас рабами вещей, незаметно отнимающих свободу и саму жизнь. Мы становимся “мертвыми душами”, придатками вещей, заложниками чужого одобрения и социального успеха. Это и есть падение в ад Сансары.

С точки зрения махаянского буддизма, Акакий Акакиевич, до пробуждения его страсти обладания, – почти архат (тот, кто разрушил привязанность своей человеческой оболочки к Сансаре). Яд же влечения, эмоции привязанности низвергают его из состояния внутренней гармонии, перевоплощают в “голодного духа”, мятущегося и страдающего из-за невозможности насытить свои потребности. “Быть или иметь” – буддийско-фроммовская трактовка смысла рассказа “Шинель” Гоголя.

Чему же учит притча Гоголя? Гармонии через минимизацию потребностей, единству через уподобление ребенку, недеянию через отсутствие целей. И предупреждает о крахе всего этого при вкушении яда страсти. Гоголь показывает – и конечно, не только в “Шинели” – путь в ад, но не открывает дорогу в рай (отсюда и его неудача со вторым томом “Мертвых душ”). На наш взгляд, причина личностного краха и Акакия Акакиевича Башмачкина, и большинства малых и великих мира сего, да и, наверное, самого Гоголя – одной из проекций личности которого был Башмачкин – заключается в неумении любить ближнего (христианство) или сострадать всем живым существам (буддизм). Ибо есть только одна человеческая страсть, которой неведомо пресыщение – это Сострадание. И есть только одна дорога, ведущая к Храму, – это Любовь.

В четверг 21 февраля 1852 года в восемь часов утра Николай Васильевич Гоголь скончался. Одно из последних его завещаний: “Будьте не мертвые, а живые души!”

Строки, написанные им за несколько дней до кончины:

“Аще не будете малы, яко дети, не внидете в царствие небесное.

Помилуй меня, прости, господи! Свяжи вновь сатану таинственной силою неисповедимого креста...

Как поступать, чтобы признательно, благодарно и вечно помнить в сердце моем полученный урок. И страшнее истории всех событий Евангельских...” (цит. по [Мочульский, 1995, с. 57]).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абаев Н.В. Чань-буддизм и культурно-психологические традиции в средневековом Китае. Новосибирск, 1989.

Бельтраме Ф. Мотивы обиды и возмездия в повести Гоголя “Шинель” // Критика и семиотика. Вып. 10. 2006.

Блайс Р.Х. Золотой век Дзэн. Антология классических коанов дзэн эпохи Тан. СПб., 2001.

Блайс Р.Х. Мумонкан. Застава без ворот. СПб., 1997.

Воронский А. Гоголь (<http://www.treffpunkt.ru/lit/read.php?id=303&page=51&q=2>).

Гоголь Н.В. Полн. собр. соч. В 14 т. Т. 3. М.–Л., 1938; Т. 6. М.–Л., 1951; Т. 12. М.–Л., 1952.

Лао-Цзы. Дао Дэ Цзин (<http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000588/index.shtml>).

Левонтина И.Б. О преемственности. Кто же вышел из шинели? (<http://www.stengazeta.net/article.html?article=673>).

Мочульский К.В. Духовный путь Гоголя // *Мочульский К.В.* Гоголь. Соловьев. Достоевский. М., 1995.

Ошо Р. Не ум: цветы вечности. Таинство и поэзия запредельного. М., 1995.

Чжуан-Цзы // Мудрецы Китая: Ян Чжу, Ле-Цзы, Чжуан Цзы (<http://lib.ru/POECHIN/CHZU/chzhuan.txt>).

Эпштейн М.Н. Князь Мышкин и Акакий Башмачкин (к образу переписчика) // *Эпштейн М.Н.* Парадоксы новизны. О литературном развитии XIX–XX веков. М., 1988.